

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

РГУ

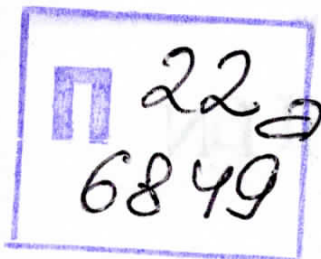
7

АПРЕЛЬ

2010

Серия
«Исторические науки»

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

ВЕСТНИК РГГУ

№ 7(50)/10

Научный журнал

Серия «Исторические науки»
Историография, источниковедение
методы исторических исследований

Москва 2010

СОДЕРЖАНИЕ

**Теоретико-методологические проблемы гуманитарного/
исторического знания**

- М.Ф. Румянцева*
Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации
Ольги Михайловны Медушевской. Статья вторая 11

Историография

- А.Н. Бачинин*
М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки 28
- А.М. Пашков*
А.С. Пругавин: от революционных кружков до изучения
старообрядчества (1869–1881 гг.) 43
- М.П. Мохначёва*
Источники по истории становления и развития историографии
в МГИАИ – ИАИ РГГУ. Статья вторая 56

Источниковедческие исследования

- Д.А. Добровольский*
«Якоже и прародители наши погынуша»: к вопросу об этническом
самосознании древнерусских летописцев XI – начала XII в. 83
- О.Б. Бокарёва*
Посольские книги по связям России с Персией
первой половины XVII в. 96
- А.Б. Асташов*
Социальный состав Красной армии и Флота по переписи 1920 г. 107

Вспомогательные исторические дисциплины

- Р.Н. Перелётов*
Византийские монеты Донского бассейна 132
- Е.В. Пчелов*
Символика российских государственных регалий: цвета и числа 140

<i>С.В. Зверев</i>	
Новгородские монеты периода шведской оккупации 1611–1617 гг. История атрибуции	153
<i>Ю.Э. Шустова</i>	
Продажа книг типографии Львовского Ставропигийского братства по реестрам Анастасии Лясковской (1676–1680-е годы)	165
<i>Д.Н. Рамазанова</i>	
Бухарестский список «Хрисмологиона» Паисия Лигарида: палеографическое и кодикологическое исследование	178
<i>М.Ш. Холов</i>	
Меры веса Бухарского эмирата в конце XVIII – начале XX в.	192
<hr/> Personalia <hr/>	
<i>М.Е. Бычкова</i>	
Источниковедение в трудах А.А. Зимина (к 90-летию со дня рождения)	211
<i>А.М. Пашков</i>	
Елена Ивановна Каменцева и ее роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин (к 90-летию со дня рождения)	220
<hr/> Публикации <hr/>	
Описания архива князя В.Л. Долгорукова 1730 г. <i>Вступительная статья и подготовка текста Д.И. Алексеевой</i>	228
<hr/> Проблемы преподавания <hr/>	
<i>О.И. Хоруженко</i>	
Гербы на памятниках материальной культуры: методические рекомендации по описанию и исследованию	239
<hr/> Критика и библиография <hr/>	
<i>С.Г. Веригин</i>	
Новые документы по истории Карелии периода Второй мировой войны	262
<i>С.И. Садовников</i>	
Российские и зарубежные мемориальные издания, посвященные жертвам Второй мировой войны (краткий обзор)	272

М.Ф. Румянцева

История и память: History and memory: ист. культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 767 с. (Образы истории); Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории = Dialogues with time: memory and history / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, О-во интеллектуальной истории, Гос. ун-т гуманитар. наук / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 799 с.: ил. (Образы истории) 286

Хроника

XXII Международная научная конференция «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» в Историко-архивном институте (28–30 января 2010 г.) 290

Е.В. Пчелов, С.В. Зверев

Научный семинар по геральдике и вспомогательным историческим дисциплинам Историко-архивного института РГГУ (продолжение) ... 294

In Memoriam

Е.В. Пчелов

Памяти Геннадия Ивановича Королева (1936–2009) 296

Памяти Виктора Александровича Муравьева (17.01.1941–25.10.2009) 300

Конференция – 2011

Abstracts 304

Сведения об авторах 312

Историография

А.Н. Бачинин

М.П. ПОГОДИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЗАМЕТКИ

Историк М.П. Погодин (1800–1875) при жизни был отнесен современниками к знаковым фигурам русской науки и культуры второй трети XIX в. Его имя давно вошло в учебники, хрестоматии, справочники и энциклопедии. Тем не менее целый пласт существующей литературы о жизни и трудах М.П. Погодина состоит из противоречивого конгломерата оценок, мнений, взглядов, концепций. Автор исследует вопрос, кем и как изучался М.П. Погодин в классической, советской и постсоветской историографии.

Ключевые слова: М.П. Погодин, русская историческая наука, XIX в., отечественная историографические исследования.

Каталоги русской историографии XIX в. включают в себя персоналии и сюжеты, концептуальная значимость которых кажется малопонятной или трудноуловимой. Таков, к примеру, случай академика Н.Г. Устрялова. М.П. Погодин (1800–1875) на первый взгляд должен представлять в этом смысле диаметрально противоположность. Любой специалист сразу укажет на его 22-томное жизнеописание, коим он сохранился в культурной памяти как некая антикварная ценность¹. Однако это не меняет сути дела. Погодинская проблематика вбирает в себя бесчисленные антиномии, в которых легко потеряться. При перечитывании текстов Погодина и о Погодине самый образ его теряет воображаемые очертания, размывается, придать ему хотя бы видимость целостности в высшей степени трудно, если вообще возможно². Тем не менее плодотворные попытки в этом направлении все же имели место. Все они так или иначе были связаны с этно-психологической редукцией нравственной физиономии Погодина.

Погодин представлялся вместилищем добродетелей и пороков, приписываемых «великорусскому племени», носителем его врожденных свойств, типом простолюдина средней полосы, «великорусско-московского посадского человека», начиная от формы религиозности, походящей на «древнее благочестие», и кончая убеждениями, не подпадавшими под западные политические определения. Самая его натура «по-русски», т. е. запредельно, противоречива: широта души соединяется с мелочным денежным расчетом, скопидомством, скарденностью; «себе на уме» идет рука об руку с эмоциональной чуткостью; непосредственность, наивное простодушье уживаются с лукавством; брутальность, грубость нрава и привычек – с ранимостью, застенчивостью, деликатностью; амбициозность, тщеславие, самодовольство, догматизм, упрямство – с бесконечными сомнениями, угрызениями и самообличением; сознание собственного достоинства – с искательством перед сильными мира сего; благородство устремлений, безудержность воображения, визионерство – с коммерческой жилкой, мечтами разжиться, менторством, морализаторством, сварливостью; мистический фатализм – с темпераментом, жаждой деятельности, неумением «сидеть сложа руки» и т. д.³ Такая бинарность, лучше сказать амбивалентность, погодинского характера действительно легко ложится на хрестоматийное представление о «русскости»⁴.

Погодинскую нестандартность ощущали многие современники и исследователи. Один из его близких приятелей утверждал, что тот являл собою якобы «лицо, какого в Москве до тех пор не было»⁵. Погодин превратился в фольклорную личность, эмблематическую фигуру. Само его имя внушало ориентацию на русскую старину, тяготение к «почве», славянские симпатии.

Он вроде бы не сумел вписаться ни в одно из общественных направлений своего времени. В нем замечали много и западнического, и славянофильского: «С Соловьевым он горячо станет ратовать за Петра, но резко разоидется с ним из-за Грозного; заодно с славянофилами он готов переломить литературное копые за Минина, Сусанина и Скопина, но в “петербургском периоде” не увидит ничего специфически петербургского»⁶. Означало ли это отсутствие выработанной позиции, твердого взгляда? На этом никто особенно не настаивал. Тому, каким образом их артикулировал сам профессор, не считали нужным придавать значения. Многим казалось, что по складу мысли он ближе всего стоял к первому поколению славянофилов. Известные разногласия или особые отношения с ними, наряду с прочими фактами биографии Погодина, принуждали других выделять его в «одно целое направление»⁷.

К началу 1870-х годов название такому направлению было придумано. Для обозначения разного рода сервильной литературы глашатаев уваровской триады А.Н. Пыпин ввел понятие «официальная народность»⁸. Оно превратилось в опорную идеологию старолиберальной историографии и было усвоено последующими поколениями историков. С тех пор Погодин (с С.П. Шевыревым и ему подобными) проходит по черному списку уваровцев⁹.

Если А.Н. Пыпин отождествлял имперско-панегирическую публицистику николаевской России с «официальной народностью», то Г.В. Плеханов усмотрел в ней теорию социальной самобытности России. Однако он не сопоставлял тексты Погодина с уваровскими и перенес дефиницию Пыпина в марксистскую литературу. Погодин из литературного циника превратился в теоретика консервативно-охранительной мысли, родоначальника концепции самобытности русского исторического процесса. Вводную лекцию, прочитанную Погодиным в сентябре 1832 г. первокурсникам московского университета (в присутствии С.С. Уварова и А.С. Пушкина), Г.В. Плеханов назвал «первым систематическим изложением ex cathedra теории официальной народности»¹⁰. Пересмотру подверглось и ставшее ходячим к началу XX в. представление Пыпина о «неславянофильстве» Погодина. Найдя лежащие в его основе доводы убедительными более по внешности, чем по сути, Плеханов выявил у славянофильства и «официальной народности» тождество родовых признаков и лишь видовые, стилистические, т. е. теоретически несущественные, отличия – «простые оттенки одной и той же мысли, оттенки почему-либо неприятные или неудобные для одной из сторон». Такие оттенки и полутона вполне объяснимы «пролетарским происхождением Погодина и дворянским – славянофилов. «Теоретики официальной народности, – заключал Плеханов, – были родными братьями теоретиков славянофильства, но братьями, воспитавшимися при других условиях, в другой обстановке и потому усвоившими себе несколько иные привычки мысли и совсем другие вкусы». Между ними действительно случались размолвки, временами они могли сильно раздражать друг друга¹¹, но близкое родство в конце концов всегда давало о себе знать¹².

Плеханов, однако, не захотел обратить внимание на возникающий по ходу дела принципиальный вопрос. Если все дело было в социальных инстинктах, плебейских замашках Погодина, от которых его благородных «братьев» коробило, чем тогда объяснить дружеские отношения с ним на протяжении всей жизни чувствительного интеллигента С.П. Шевырева? Верный товарищ Погодина был таким же эстетствующим националистом и столбовым дворянином, как и славянофилы.

Плеханов разбирался только со взглядами на проблему «Россия и Запад». Займись он проблемой реформы Петра Великого, вывод его был бы скорее всего другой. Впрочем, точка зрения Плеханова не получила развития, хотя доказательно ее никто не опровергал.

Тема Погодина в той или иной степени представлена по меньшей мере тремя десятками авторов, в том числе первоклассными именами. Уже одна констатация этого факта свидетельствует о его значимости как сюжета истории исторической науки. Однако концептуально развернутых характеристик Погодина-историка, на которые прежде всего следовало бы обратить внимание, строго говоря, три. Первая из них дана еще при жизни Погодина (К.Д. Кавелин, 1847), вторая принадлежит П.Н. Милюкову (1896), третья – В.О. Ключевскому (1872, конец 1890-х). На выводы Кавелина и Милюкова опирались в большей или меньшей степени многие последующие трактовки Погодина. Тексты Ключевского о Погодине стали известны в советское время.

Концепция Кавелина сводилась к следующим тезисам.

1. Погодин занял промежуточное положение между Полевым и Соловьевым, обозначив собою переходное время изменения характера историописания; «всеми своими сторонами принадлежа к прошедшему, он не чужд некоторым новым требованиям, взглядов, ученых приемов, которых мы не встречаем у его предшественников».

2. Погодин принадлежит к «школе толкователей, экзегетиков, а не историков в настоящем смысле слова»

3. Труды Погодина содержат «светлые мысли», «ученые приемы довольно удачные» и прочие важные достоинства, однако лишены «ясной системы», «цельного взгляда» на русскую историю.

4. Причина такого изъяна коренится не в личных качествах Погодина как исследователя, а в распространенной у «специалистов»-эрудитов «бессознательной односторонности», состоящей в пристрастии возводить «в систему <...> нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет», причем не «какой-то именно взгляд», а «взгляд вообще», «самое теоретическое направление».

5. Будучи противником всяких систем и теорий, Погодин, не замечая того, сам же их строит, погружаясь при этом в «исторический мистицизм».

6. Погодин не сумел открыть собою «новую эпоху ученого обрабатывания русской истории», ибо оказался неспособным подняться до «высшего исторического воззрения». Ко второй половине 1840-х годов он уже целиком исчерпал себя как «ученый прежнего порядка».

7. Погодин довел до предела изучение «скандинавского элемента» древней русской истории¹³.

Начальные методологические координаты историографической оценки Погодина задавались его принципиальным оппонентом, продвигавшим новую исследовательскую парадигму. То, что прежде существовало, должно было перейти в разряд безнадежной архаики.

Разрушая миф о Карамзине, Милюков не имел оснований переоценивать значение главного из мифологизаторов историографа. «И по складу ума, и по характеру раз усвоенных воззрений на задачи науки, – писал Милюков, – Погодину предстояло сделаться очень полезным чернорабочим и сосредоточить все свои силы на предварительной разработке сырого материала. Он так и сделал»¹⁴. Потому лучшее из всего им написанного – семитомник «Исследования, замечания и лекции» – приобрел значение «незаменимого справочного пособия для занимающихся древнейшим периодом», ибо в нем отсутствовала всякая теоретическая мысль¹⁵. Этим, собственно, ограничивается положительное содержание ученой работы Погодина, которую Милюков оставил за пределами своего внимания. Достаточно было показать взгляды московского профессора на цели и способы исторического исследования как воплощение закоснелой, недоразвитой ученой мысли, остановившейся на уровне времен канцлера Н.П. Румянцева и митрополита Евгения, чтобы посчитать это излишним. По той же причине Милюков не захотел вдаваться в подробности постановки Погодиным вопроса об «особливости» или изоморфизме русского исторического процесса.

Послекарамзинский период русской историографии интересовал Милюкова преимущественно опытами применения новых философско-исторических идей к построению и объяснению русской истории. Погодинская историософия была одним из первых таких опытов, и Милюков должен был заняться ею всерьез. Просеяв должным образом наличный материал, он пришел к выводу, что *fons et origo* эпистемы Погодина составляла телеология. Если в прошлом все произошло так, а не иначе, значит, все и должно было быть так, как было; возникновение каждого нового кольца в цепи исторических событий, связывающее их в единое целое, есть «чудо», свидетельство Божественного Промысла. Для стремящегося секуляризовать исторический процесс позитивиста это означало фатализм, причем «самого худшего вида»¹⁶. Таким же таинством истории Погодин наделял слияние необходимости и свободы, уподобляя его таинству соединения человеческой мысли со словом, души с телом и т. д. Прямым следствием телеологического подхода явился царящий в погодинских работах «апофеоз *случайности*»¹⁷.

Развивая кавелинскую линию интерпретации Погодина и доказывая полную его теоретическую беспомощность, Милюков много

места уделит иллюстрациям метафизической, иррациональной составляющей его мировоззрения («мистический патриотизм», «исторический мистицизм» и т. д.). «Высшие взгляды» Погодина с их топорным инструментарием и «уродливыми выражениями» национализма были выставлены Милюковым на посмешище. Убеждения Погодина вытекали вовсе не из опыта исторического изучения, а из туманных мечтаний юности и желания «сделать *российскую историю охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия*» (курсив М.П. Погодина), иными словами, «подгонять объяснение прошлого к реабилитации настоящего»¹⁸. Низведением понятия о науке истории до уровня государственной пропаганды и полиции нравов Погодин исключался из числа представителей «главных течений русской исторической мысли». Вся его ученая репутация наделялась статусом побочной, тупиковой ветви развития историографии. В качестве предтечи «историко-юридической школы» Милюкова более устраивал Н.А. Полевой¹⁹.

Схваченный Милюковым образ Погодина как историка передан смелыми широкими мазками и потому содержит некую долю утрировки. Но в нем оказалось много метко и точно подмеченного, с чем до сих пор приходится по крайней мере считаться.

Погодинская «Древняя русская история до монгольского ига» поразила В.О. Ключевского своей допотопностью, возбудив легкую, местами насмешливую иронию. Как историк Погодин существовал «совсем в другой сфере сознания»²⁰.

Среди рабочих материалов Ключевского сохранились два мастерски исполненных психологических эскиза Погодина, оставленных до времени, к которым он уже более не возвращался²¹. В них нет и тени прежней иронии, автор суров и дидактичен, но по существу его взгляд за четверть века не изменился. Погодин – талант, личность с сильным творческим началом, владеющая «драгоценным даром историка» – «историческим чутьем», помогавшим ему «ощупывать узлы в нити нашей историч[еской] жизни»; его всегда влекло к «фактам, в которых чуялся научный вопрос, и он умел иногда угадывать путь, которым надо идти, чтобы найти ответ». Однако ни один из этого множества подмеченных и поставленных им вопросов «даже не был как следует подготовлен к научному разрешению (а просто был подержан в руках)». Безрезультатность всех его «хлопотливых ученых разысканий» была заложена в нем самом, в структуре и установках личности: развитая интуиция не сдерживалась должной ученой обработкой, дисциплинирующим ее научным методом. «Вина Погодина в том, что он не позаботился обработать свое природное чутье в научное понимание, несомненно тлевший в нем огонек, порывисто вспыхивавший своенравными

догадками, раздуть в ровный урегулированный свет знаний». Схватывая зачастую сущность отдельных исторических фактов, Погодин не умел возводить свои наблюдения и гипотезы в степень научного положения. Оттого тезис его походил на «догмат», а вместо научного построения у него «выходила только догматика, <...> историческая мифология или риторика». Последнему чрезвычайно способствовало «пылкое воображение», другой талант Погодина, которым он также был наделен с избытком и благодаря которому его труды наполнены «призрачными обобщениями», «более или менее удачными оборотами речи», скрывающими «непонимание или даже незнание» фактов²². Язык его опережал мысль, а та «подталкивалась первыми впечатлениями», «писал многое не подумав – авось оправдается», «искры с треском, который гасит огонь их произведший»²³. Погодина должно помнить «если не как учителя, то как урок; не как образец, которому надо подражать, но как предостережение, чего не следует повторять». Пример дарования, загубленного самим собою на корню и потому достойный сожаления. И все же: «люблю его бойкое перо, из-под которого так часто блещет ум и талант»²⁴.

Констатируя факт «известной неясности» оценки Погодина, Н.Л. Рубинштейн следовал за Кавелиным и Милюковым, несколько усилив тезис первого о переходном характере деятельности московского историка и, напротив, стилистически смягчив некоторые тенденциозные формулировки второго. С одной стороны, он указал на «элементы преемственности» между Погодиным и Соловьевым, «близость его государственной школе», даже «влияние на государственников», с другой – противопоставил новации исследовательских походов Погодина его консервативной установке на иррациональность и непостижимость истории.

Случай Погодина нельзя было упустить, чтобы использовать фундаментальное марксистское положение о зависимости метода от мировоззрения. Пыпинской дефиницией «официальная народность» Рубинштейн впрямую не пользовался, но изложение соответствующих сюжетов у него выстраивается в тему подчинения научного метода и материала историка политической идеологии самодержавия, «устаревшей» идее провиденциализма. Попытка связать материал «творчески новой идеей» (подразумевалась идея «органического, закономерного» развития) ему не удалось. Отсюда и квалификация исторической концепции Погодина как бесплодной, обращенной в прошлое, лишившей его в конечном счете «определяющего влияния» на историографический процесс. Значение Погодина Рубинштейн ограничил разработкой отдельных вопросов и «некоторым дальнейшим развитием научно-крити-

ческого метода»; у него важны не выводы («синтетическая часть» слабее всего), а своеобразие в постановке вопросов, движение мысли, «методологические принципы проделанной им критики источников». К ученым заслугам Погодина отнесена также публикаторская деятельность, впрочем, с оговоркой: его издания памятников русской истории не отличались высоким научным уровнем²⁵.

В последующей историографии до конца 1980-х годов за очень небольшим исключением преобладала или примитивная, или утрированная, или неопределенная²⁶, или вообще лишенная смысла трактовка Погодина²⁷. Значение его трудов выводилось из элементарной мысли о борьбе дворянско-монархического («реакционного») и буржуазного («прогрессивного») направлений в русской историографии²⁸. В бессознательно презентистских представлениях некоторых советских авторов Погодин писал свои труды, следуя требованиям не только министра Уварова, но и по указаниям шефа жандармов Бенкендорфа²⁹. Полноценный интерес до сих пор вызывает лишь статья И.М. Тойбина об исторических взглядах Пушкина и Погодина³⁰.

Ряд важных в историко-источниковедческом отношении тезисов Погодина отреферировал А.П. Пронштейн, но сделал это сбивчиво и с неточностями. Кроме «интересных высказываний» относительно источников древней русской истории и методе их анализа, который приводил к «малозначительным выводам», Погодин ничего существенного после себя не оставил. Формальное признание за ним «определенного вклада в современную ему историческую науку» автор совместил с утверждением о таком его качестве, как «отсутствие исторического подхода к источникам», вследствие чего тот «не мог объективно оценить содержащуюся в них информацию»³¹.

В приуроченной к юбилею С.М. Соловьева книге Н.И. Цимбаева автор неожиданно большое внимание уделил личности Погодина. Заметно, как временами он стремится соблюсти беспристрастность, местами едва ли не очаровывается им, но в конечном счете послушно следует запискам героя своей книги, где профессор описан в самых черных тонах³².

К 1980-м годам Погодин вошел в поле зрения советских славистов, изучается в контексте взаимосвязей исторической науки, исторической части славяноведения, с развитием общественной мысли и идейной борьбы в России, проблем становления нового соотношения исторического познания и исторического сознания³³.

Первая после 1910 г. монография о Погодине³⁴ была написана преимущественно на материалах жизнеописания Н.П. Барсукова. Автор ставил перед собой задачу подать Погодина «лишь в одном

качестве – как профессора кафедры русской истории Московского университета» и изложить внешнюю сторону жизни историка, его служебную и учено-педагогическую деятельность в 1835–1844 гг. Для полноты картины ему не хватило скрытой от посторонних глаз атмосферы этой деятельности – непрерывных интриг, сплетен, подсиживаний, о которых вопиет Погодин в своем дневнике. Ф.А. Петров уклонился от этой щепетильной темы и потому описание, в частности, отставки профессора и ее причин, со ссылкой на «реальные объективные перемены, происходившие в исторической науке в период кризиса феодально-крепостнической системы», выглядит неубедительно. Едва ли дело было в «системе исторических взглядов» Погодина, оказавшейся якобы «несозвучной умонастроениям эпохи» и потому не имевшей перспектив «в стенах университета»³⁵.

К концу 1990-х годов интерес к Погодину заметно возрос. О глубине этого интереса свидетельствует энциклопедическая статья К.Ю. Рогова о Погодине – наиболее качественная на сегодняшний день научная биография Погодина. По степени информационно-аналитической насыщенности она представляет собой серьезный вклад в изучение «одной из центральных фигур» литературного процесса и общественной жизни России середины XIX в.³⁶

Монография К.Б. Умбрашко о Погодине появилась в канун 200-летия последнего. Хотя книга об этом «историке и человеке» вышла под грифом Института российской истории РАН³⁷, профессионального интереса она не представляет. Умбрашко оказался «далек от сколько-нибудь внятного представления о задачах исторического исследования». Углубляться в комментарии сочинения, находящегося «за пределами сколько-нибудь приемлемого научного дискурса»³⁸, не имеет смысла. Остается лишь целиком разделить чувства Е.Э. Ляминой, у которой оно вызвало «горькое разочарование».

Последняя по времени из монографий о Погодине принадлежит перу Н.И. Павленко³⁹. Уже с первых ее страниц чувствуется уверенная рука знающего свое дело профессионала. Погодин представлен здесь в разных качествах и с разных сторон: профессиональной, творческой, культурной, общественной, частной, что делает чтение книги притягательным, сообщает ей познавательный интерес. За рамками книги почему-то остался один важнейший сюжет – политическая идеология, мировоззрение Погодина. Повествование состоит из двенадцати глав, заключительная из которых содержит в целом «положительную» оценку «феномена» Погодина.

Павленко не стал обременять себя архивными разысканиями (хотя нельзя сказать, что он вовсе им чужд), черпая потребный ему

материал из труда Н.П. Барсукова. Действительно, судя только по ссылкам, а их формально более половины от общего количества⁴⁰, этот труд использовался настолько широко, насколько это возможно. Перед автором стояла задача спрессовать в четыре сотни страниц то, на что у Барсукова ушло несколько тысяч, каждый раз артикулируя отношение к извлеченному с позиций исследователя. Сделать это ему удалось легко. Недоумение могут вызвать разве что уж очень наивные (лукавые?) для такого опытного историка предлоги в пользу уклонения от архивных исследований: «невозможность полностью прочесть каракули Погодина», нежелание «тратить силы и время на расшифровку подлинника» погодинского дневника, уже «достаточно основательно» использованного Н.П. Барсуковым, и др. (С. 4–5).

Добротная сама по себе монография, изданная издательством «Памятники исторической мысли», обезображена немислимым количеством погрешностей, превосходящим все, с чем нам когда-либо приходилось сталкиваться. Приведем только бросающиеся в глаза несообразности.

В тексте А.Ф. Бычков превращается в А.Ф. Быкова (С. 119), Свербеев – в Скорбеева (С. 218), Д.И. Иловайский – в Д.М. Иловайского (С. 160), Н.П. Филатов – в П.П. Филатова (С. 203), К.Н. Бестужев-Рюмин – в К.Д. Бестужева-Рюмина (С. 125), Ю.Ф. Самарин – в Ю.М. Самарина (С. 274), М.М. Стасюлевич – в М.К. Стасюлевича (С. 345), Г.Е. Щуровский и И.Д. Беляев – в Г.Е. Щуровского и И.П. Беляева (С. 83), Н.В. Савельев-Ростиславич в И. Савельева-Ростиславича (С. 178), Я.Я. Штелин – в Я.Л. Штелина (С. 201), М.Т. Каченовский – то в М.П. Каченовского (С. 249), то в Н.Т. Каченовского (С. 341), то в Каченовского (С. 63), А.Д. Блудова – в А.Н. Блудову (С. 231), московский городской голова Лямин в Лепина (С. 192), министры Канкрин и Ковалевский – в Канорина (С. 123) и Ковальского (С. 228), Степан Иванович Пономарев – в Семена Ивановича Пономарева (С. 92), Палацкий – в Полацкого (С. 238), М.А. Максимович – в А.М. Максимовича (С. 312, 325), князь Андрей Михайлович Курбский – в Михаила Андреевича Курбского (С. 143). Погодинскую «Древнюю русскую историю до монгольского ига» сначала рецензирует П. Полевой (С. 123), а на следующих двух страницах – давно умерший Н. Полевой (С. 124 и 125). Умерший в 1832 г. К.Ф. Калайдович в 1844 г. вдруг является погодинским «партнером по переговорам» о передаче журнала «Москвитянин» (С. 274. В творительном падеже – «Москвитяниным» (С. 258)). А.Н. Островский и В.О. Ключевский названы А.П. Островским (С. 280) и В.В. Ключевским (С. 199), так же как и безвестный А.Н. Бачинин, к статьям

которого отсылается читатель, – А.Н. Багининым (С. 6). О.М. Бодянский назван почему-то «харьковским профессором» (С. 161); старший библиотекарь императорской Публичной библиотеки (в 1852 г.) А.Ф. Бычков – ее «директором», год рождения Н.Г. Устрялова – 1805, указан же 1803 (С. 45). В главе 11 говорится, что в 1842 г. после случившегося с министром С.С. Уваровым удара тот «лишился речи, а затем последовала отставка» (С. 333–334), в то время как двумя абзацами выше дается точная дата отставки – 20 октября 1849 г.

Публикация статьи Погодина о Грозном отнесена к 1824 г., публикации статей о смерти царевича Димитрия и об Отрепьеве датированы 1827 г. (С. 143, 145), хотя все они опубликованы в одной третьей части «Московского вестника» 1829 г. «Знаменитая» статья М.Т. Каченовского «О баснословном времени в российской истории» (1833) отнесена к 1831 г. (С. 61). Ту же путаницу видим с названием погодинского сборника статей «Историко-критические отрывки» (то «Историко-критические отзывы», то «Историко-критические статьи» (С. 127, 160, 353. Сн. 9)). На с. 139 Н.И. Павленко упоминает о напечатанной Погодиным в 1860 г. статье «Царевич Алексей Петрович по документам, вновь найденным»⁴¹, в которой тот якобы «использовал обнаруженную им переписку царевича с членами его компании» (см. также включенное в список погодинских публикаций «Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича», с. 130, 143). Никакой переписки царевича Погодин не «обнаруживал» и не издавал. Очевидно, автор имел в виду другую книгу⁴², но при цитировании контаминировал заглавия, приписав Погодину открытие, к которому он не имел никакого отношения. Иногда встречается совсем уже немыслимое: оказывается, находясь «в ссылке в Михайловском», Пушкин был лишен «возможности... руководить журналом “Московский вестник”» (С. 285).

В книге много неверных цитаций текстов, заимствованных из книги Н.П. Барсукова. Возьмем цитации писем Н.В. Гоголя. Они даются то по Н.П. Барсукову (С. 301, 357. Сн. 26), то по «Сборнику ОРЯС» 1883 г. (С. 4), то по изданной в 1988 г. двухтомной переписке писателя (С. 38, 351. Сн. 26), то по его «Полному собранию сочинений». Все эти тексты напечатаны в последнем, но в монографии ни одна цитата не является аутентичной⁴³.

Хотя значение М.П. Погодина «в общественной и культурной жизни России XIX столетия трудно переоценить» (С. 3), у Павленко тот вышел каким-то уж совсем ординарным, малоинтересным историком и в сущности ничем не привлекательной личностью. «Наивный характер и примитивность многих суждений, отсутствие в концепции логики и фактов обеспечили ей забвение»

(С. 107); «все правильное в методике Погодина старо, а все новое – неправильно», в сравнении с Карамзиным он «сделал шаг назад» (С. 111); «друзей среди историков у Погодина не было. И это естественно, ибо...» и т. д. (С. 336), Резюме о «немалой заслуге» (С. 127) или просто «заслуге» и «несомненном вкладе» Погодина в русскую историографию и культуру XIX в. (С. 128) находится в очевидном противоречии с собственными наблюдениями и оценками. При всем том книга оставляет неплохое впечатление; она лучше всего, написанного о Погодине за многие десятилетия⁴⁴.

В этом смысле куда более последователен (и выразителен) был В.В. Розанов: «Его труды литературные и ученые – ничтожны или малозначительны <...>; он сгорел как свеча перед миром, не оставив по себе ничего, кроме некоторой копоти и куска пахнущей светильни <...>»⁴⁵.

Ни учителя, ни тем более пророка из Погодина не вышло. Безжалостная критика иной раз с избытком мотивировалась его поистине нестерпимыми, бьющими в глаза, недостатками. В своих вещах он оставлял слишком много недоделанного или плохо сделанного. По большому счету все, за что бы он ни брался, можно признать неудавшимся.

Примечания

- ¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888–1910. 22 т. Лучшую, выразительнейшую характеристику этого труда см.: Розанов В.В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 72–91. Барсуков трудился при помощи ножниц и клея в буквальном смысле (РГАЛИ. Ф. 87. Д. 84. Л. 516а. Письмо Н.П. Барсукова к П.С. Шереметеву от 26 июля 1906 г. См. также: РО ГПБ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 14–79).
- ² Н.В. Гоголь, один из немногих, кто хорошо знал и понимал Погодина, публично признался в том, что «решительно нет возможности показать его в том виде, каков он действительно есть» (Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 21). Сошлемся также на В.В. Розанова, находившего «характер, порывы, поступки, интересы, занятия» Погодина не поддающимися обобщению (Розанов В.В. Указ. соч. С. 74).
- ³ Линниченко А.И. М.П. Погодин (11 ноября 1800–1900). Общая характеристика // Линниченко А.И. Речи и поминки. Одесса, 1914. С. 78–89; Корсаков Д.А. Погодин М.П. // Рус. биограф. словарь. СПб., 1902. Т.: Плавильщиков–Примо. С. 54–155; Лилеев М.И. М.П. Погодин как профессор и историк // Сб. Ист.-филол. о-ва при ин-те кн. Безбородко. Нежин, 1903. Т. 4. С. 35–69.

- 4 Этому «мешает» только А.С. Пушкин. Для него Погодин – «истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности» (Письмо П.А. Плетневу 26 марта 1831 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 158). И.С. Аксаков назвал Погодина человеком «непосредственно русской природы» (*Аксаков И.С.* [М.П. Погодин. Некролог] // Правосл. обозр. 1876. № 2. С. 395). Впрочем, та же амбивалентность является не менее хрестоматийной референцией репрессированного инфантила (См.: *Касьянова К.* Особенности русского национального характера. М., 1993).
- 5 *Берг Н.В.* Посмертные записки // Русские мемуары: Избр. страницы, 1826–1856. М., 1990. С. 378. Ср.: Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина. М., 1871. С. 137.
- 6 *Шмурло Е.Ф.* Петр Великий в русской литературе. СПб., 1899. С. 129–130. В лекциях М.О. Кояловича Погодин является то ли непоследовательным государственным деятелем, то ли непоследовательным славянофилом (*Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 3-е изд. СПб., 1901. С. 235–237). См. также: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. М., 1872. Т. 1. С. 229.
- 7 Гиляров-Платонов Н.П. // Совр. известия. 1875. № 340.
- 8 *Пыпин А.Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. 3-е изд. СПб., 1906. С. 93–140 и др. Ответ Погодина см.: *Погодин М.П.* О славянофилах // Гражданин. 1873. № 11, 13.
- 9 До гипертрофии она доведена А.Л. Яновым, у которого Погодин выступает в качестве одного из «апостолов», «enfant terrible» Русской идеи, т. е. русского национализма в его «клинической форме». Редакцию погодинского журнала «Москвитянин» А.Л. Янов возвел в степень «мозгового треста» николаевского режима (*Янов А.Л.* Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999. С. 48). Попытку деканонизации взглядов А.Н. Пыпина на идеологию 1830-х годов см.: *Казаков Н.И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989. М., 1989. С. 5–41.
- 10 *Плеханов Г.В.* М.П. Погодин и борьба классов // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1926. Т. 23. С. 78.
- 11 В момент острого негодования на Погодина Н.В. Гоголь писал: «Такой степени отсутствия чутья, всякого приличия и до такой степени неимения деликатности, я думаю, не было еще ни в одном человеке испокон веку. [...] Точно чушка, которая не даст <...> порядочному человеку: как только завидит, что он присел где-нибудь под забор, она сует под самую <...> свою морду, чтобы схватить первое <...>. Ейхватишь камнем по хрюкалу изо всей силы – ей это нипочем. Она чихнет слегка и вновь сует хрюкало под <...>» (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. 1952. Т. 12. С. 364. Письмо Н.М. Языкову от 26 окт. н. ст. 1844 г.).
- 12 *Плеханов Г.В.* Указ. соч. С. 46–47, 49, 100. Ср.: *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 450. Примеч. 1. Погодина причисляли также к «почвеннической» фракции славянофильства (*Лилеев М.И.* Указ. соч. С. 68), к наивным шовинистам (*Линниченко А.И.* Указ. соч. С. 86), к «руссофильству», «русскому» или «национальному» направлению (Н.П. Барсуков и др.).

- 13 *Кавелин К.Д.* Исторические труды М.П. Погодина // Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1. Стб. 98, 99, 101–106.
- 14 *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 307.
- 15 Там же. С. 306.
- 16 Там же. С. 306, 280.
- 17 Там же. С. 310.
- 18 Там же. С. 311.
- 19 Там же. С. 303. Примеч. 135; С. 304. Примеч. 137.
- 20 *Ключевский В.О.* Погодин [Рецензия на книгу М.П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига»] // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 141.
- 21 *Ключевский В.О.* М.П. Погодин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 148–150; *Он же.* М.П. Погодин // Там же. С. 150–152.
- 22 *Ключевский В.О.* М.П. Погодин. С. 149–150.
- 23 Там же. С. 150, 151.
- 24 Там же. С. 151, 152.
- 25 *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 271.
- 26 *Тереженко В.К.* М.П. Погодин в общественно-идейной борьбе 30–50-х гг. XIX столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 12–13.
- 27 См., напр.: «Холопская преданность самодержавию органически сочеталась у Погодина с космополитическими взглядами» (*Предтеченский А.В.* Официальное направление в русской историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 320).
- 28 *Шевцов В.И.* Вопросы отечественной историографии в русской исторической литературе 20–30-х годов XIX века // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976. С. 142–151; *Колесник И.И.* М.П. Погодин об «Истории России» С.М. Соловьева // Там же. С. 98–103 и др.
- 29 *Шатило А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 377.
- 30 *Тойбин И.М.* Пушкин и Погодин // Учен. зап. Курского пед. ин-та. Курск, 1956. Вып. 5. С. 70–122.
- 31 *Проништейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989. С. 260, 261.
- 32 *Цимбаев Н.И.* Соловьев. М., 1990.
- 33 *Дьяков В.А.* Ученая дуэль М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым: (О публичном диспуте по норманскому вопросу 19 марта 1860 г.) // Историография и источниковедение истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 40–56; *Досталь М.Ю.* Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844 гг.) // Славянская филология. Л., 1988. Вып. VI. С. 24–34; *Она же.* Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 4–116; *Она же.* П.И. Шафарик

А.Н. Бачинин

- и русские славянофилы в 40-е – 50-е гг. XIX в. // Павел Йозеф Шафарик (К 200-летию со дня рождения). М., 1995. С. 72–85 и др.
- 34 *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995.
- 35 Там же. С. 93, 97. Подобным же образом некоторые авторы объясняют факт смены на кафедре академика Погодина молодым Соловьевым, еще даже не магистром, «проявлением того, что отдельные представители власти чутко уловили преимущества нового стиля историописания для оформления охранительного способа идентификации» (*Антощенко А.В., Жуковская Т.Н.* Об особенностях исторического познания в России во второй трети XIX века // Сборник материалов по отечественной историографии (вторая треть XIX века). Петрозаводск, 2001. С. 20).
- 36 См.: *Рогов К.Ю.* Погодин М.П. // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 661–672. По словам К.Ю. Рогова, под исторической наукой Погодин понимал «методологию изучения действия Божественного Промысла», опирающуюся на принципы «исторической критики и широкой фактографии» (*Рогов К.Ю.* К истории «московского романтизма» // Лотмановский сборник. М., 1997. [Вып.] 2. С. 340).
- 37 *Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин: Человек, Историк, Публицист. М., 1999.
- 38 *Лямина Е.Э.* Рец.: Умбрашко К.Б. М.П. Погодин // Новое литературное обозрение. 2001. № 48(2). С. 421, 423.
- 39 *Павленко Н.И.* Михаил Погодин. М., 2003.
- 40 Встречаются, к примеру, общие ссылки на 9 и даже на 13 страниц «Жизни» Погодина (С. 350. Сн. 15, 16).
- 41 Правильно: Царевич Алексей Петрович по свидетельствам, вновь открытым. Рассуждение М.П. Погодина. М., 1861. Первая редакция статьи «О характере Ивана Грозного», датированная 1827 г., осуществлена только в 1829 г., вторая и окончательная – в 1834 г. (*Погодин М.П.* Иоанн Грозный // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. № 3. С. 113–140). В последнем виде она была перепечатана в «Историко-критических отрывках».
- 42 Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г.В. Есиповым / С прилож. рассуждения М.П. Погодина. М., 1861.
- 43 Ср.: *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 295, 357. Сн. 21; *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 385–386 (Письмо Н.В. Гоголя к С.П. Шевыреву от 8 сентября н. ст. 1847 г.).
- 44 См.: *Киреева Р.А.* [Рец.:] Павленко Н.И. Михаил Погодин // Вопр. истории. 2004. № 7. 166–168. Возражая против сдержанной оценки, данной автором Погодину, Р.А. Киреева видит в нем «крупного ученого своего времени», опираясь, впрочем, на «наблюдения» самого Павленко (Там же. С. 168). Протест Р.А. Киреевой вызвало также многократное подчеркивание негативных черт в характере Погодина (нескромность, бестактность, высокомерие, приспособленчество, меркантильность и пр.), как будто характер сам по себе является критерием оценки ученого (Там же. С. 167).
- 45 *Розанов В.В.* Указ. соч. С. 104.